

УДК 342

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ**

Станкин А.Н.

Статья посвящена анализу отдельных проблем конституционно-правовой ответственности, а также проблемам их реализации. В частности, рассматриваются разные подходы к определению понятия данного вида ответственности. Анализируются точки зрения относительно двухаспектности конституционной ответственности, то есть относительно позитивного и негативного ее начала. Рассматриваются общие и особенные черты конституционной ответственности. Автором исследуется взаимосвязь конституционной ответственности и политической ответственности, поскольку конституционное право наиболее тесно связано с политикой. Рассматриваются разные подходы к определению основания конституционного правонарушения, а также к определению состава конституционного деликта.

Ключевые слова: юридическая ответственность, конституционно-правовая ответственность, правонарушение, политическая ответственность, конституционный конфликт.

**THE CONSTITUTIONAL-LEGAL RESPONSIBILITY:
SOME THEORETICAL ISSUES**

Stankin A.N.

The article analyses the problem of the constitutional legal responsibility and the issues of its realization. The author reviews different approaches to the definition of responsibility in particular; analyses the points of view according to the twin-problem of the constitutional responsibility, i.e. according to its positive and negative nature. The paper gives a review of general and specific issues of the constitutional responsibility; researches the interconnection between the constitutional and political responsibility as the constitutional right is closely connected with the politics. The author considers different approaches to the analysis of constitutional delict.

Keywords: legal responsibility, constitutional law responsibility, offence, political responsibility, constitutional conflict.

Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-33-00017 «Комплексный, межотраслевой институт юридической ответственности: понятие, структура, взаимосвязи и место в системе права».

Одной из самых дискуссионных в науке конституционного права является сфера конституционной или конституционно-правовой ответственности. Во многом это связано с тем, что в российском законодательстве конституционная ответственность не закреплена в абсолютно определенной форме [11].

Не случайно в науке в последнее время наблюдается повышенный интерес к данной теме. В том числе, защищаются кандидатские и докторские диссертации, появляются монографические работы, не говоря уже о многочисленных научных статьях. Но, справедливости ради, отметим, что далеко не все вопросы конституционно-правовой ответственности, рассматриваются исследователями в одном ключе.

Например, нет единства относительно природы данного вида ответственности. Или, выражаясь словами профессора Ж.И. Овсепян, имеет место проблема «отраслевой адекватности конституционной ответственности» [11].

Имеются разночтения относительно самого наименования данного вида ответственности. Так, отдельные исследователи дифференцируют конституционную и конституционно-правовую ответственность. При этом конституционная ответственность в их понимании исключительно та, что предусмотрена нормами самой Конституции. Ответственность, предусмотренная иными нормами конституционного права, является конституционно-правовой [7, с. 254]. Однако, в большинстве случаев

исследователями термины «конституционная ответственность» и «конституционно-правовая ответственность» понимаются как идентичные.

И.А. Умнова в сфере федеративных отношений выделяет публично-правовую ответственность, где «по объекту и объективной стороне публично-правовая ответственность охватывает не только отношения, регулируемые конституционным (государственным) правом, но и административным, финансовым, природно-ресурсным и иными отраслями права, связанными с регулированием компетенции законодательных и исполнительных органов государственной власти, их взаимоотношений с судебными и надзорными органами в процессе осуществления функций публичной власти» [23, с. 219-220].

Н.В. Витрук, указывает, что Конституция и конституционное право устанавливают основы частноправовой и публично-правовой ответственности, т.е. конституционные основы юридической ответственности, которые только должны найти адекватное выражение, конкретизацию и развитие в нормах отраслевого (текущего) законодательства. Поэтому конституционная ответственность как таковая, считает этот ученый, не может носить отраслевой характер: она имеет особую, обусловленную спецификой целей и функций, надотраслевую природу [2, с. 34-35].

Полагаем, что сторонники типологии ответственности на частно-правовую и публично-правовую исходят из глобального деления права на частное и публичное. Здесь следует отметить тот факт, что некоторые отрасли весьма условно можно отнести к частно-правовым. Например, в трудовом праве частно-правовое начало имеет место до момента издания приказа работодателем о приеме на работу. В остальном же взаимоотношения работодателя и работника трудно назвать равноправными.

Традиционно ряд исследователей связывают юридическую ответственность с противоправным поведением – правонарушением, влекущим за собой применение мер государственного принуждения и наказание. При

этом правомерные действия субъектов в понятие юридической ответственности не включаются [5].

Другие, напротив, считают, что юридическая ответственность имеет двухаспектную природу, т.е. выделяют позитивную и негативную юридическую ответственность [25, с. 265].

Если проанализировать решения Конституционного Суда, то можно сделать вывод, что он не исключает позитивную ответственность. В частности, в решениях Суда говорится об «ответственности главы государства за согласованное единство органов государственной власти» [16], «конституционной ответственности главы государства за деятельность Правительства» [14], «ответственности главы исполнительной власти субъекта деятельность исполнительной власти соответствующего субъекта» [16], «конституционной ответственности за выполнение актов публичной власти» [18] и т.д.

Напомним, что согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом в одном из своих постановлений, наличие состава правонарушения является необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности [17].

Таким образом, для признания деяния конституционно-правовым нарушением необходимо наличие всех элементов состава правонарушения.

Однако некоторые исследователи, характеризуя конституционный деликт, выделяют некоторые его особенности. По их мнению, главное, что оттеняет субъективную сторону неконституционного деяния – это необязательность вины [28, с. 8-13]. Отсюда закреплённая нормами конституционного права логическая конструкция состава конституционного

деликта может быть и несколько усеченной – в числе признаков составов большинства конституционных деликтов отсутствует такой элемент его состава, как вина. Соответственно, основанием конституционной ответственности выступает конституционный деликт с так называемым усеченным составом. Таким образом, считают они, если применительно к традиционным видам юридической ответственности в публичных отраслях права действует презумпция невиновности, то конституционная ответственность основывается на презумпции вины, что в особенности касается оценки деяний публичных властей и публичных должностных лиц [28, с. 8-13].

С одной стороны, есть логика в данном утверждении. Ведь имеются, предусматривающие, так называемое, объективное вменение. Например, согласно п. 2 ст. 62 Кодекса административного судопроизводства РФ [6], обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Есть отступления от общеправового принципа презумпции невиновности и в других законах. Так, ст. 1079 ГК РФ в части презумпции вины владельца источника повышенной опасности. КоАП РФ по некоторым видам правонарушений допускает исключения из данного принципа в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Однако, представляется, что конструкция конституционного деликта «с усеченным составом» или модель «ответственность без вины» слишком упрощает проблему конституционно-правовой ответственности.

Во многом проблемы идентификации конституционной ответственности связаны с тем, что авторы Конституции и законотворцы в ряде случаев

«убежали» далеко вперед от юридической науки. Если быть точнее, действующая нормативная основа конституционно-правовой ответственности, по большому счету, не имеет научного фундамента.

В поисках истины, или в поисках сущности данного вида юридической ответственности, ученые-конституционалисты все чаще рассматривают проблемы соотношения конституционной и политической ответственности. Более того, в конституционном праве используется термин конституционно-политическая ответственность [8].

Б.А. Страшун отмечает, что конституционная ответственность имеет более или менее политическую подоплеку, которая наиболее ярко проявляется при парламентских и смешанных формах правления в характерном для этих форм институте парламентской ответственности правительства. При этом он указывает, что основания этой ответственности чисто политические, заранее не определенные; однако санкция (вотум недоверия или отказ в доверии) носит юридический характер и порождает юридические последствия, предусмотренные конституцией. В данном случае наличие деликта в качестве основания применения санкций не является обязательным [22, с. 73].

Думается, следует согласиться с мнением, что необходимо избегать превращения конституционной ответственности из правового института в инструмент политической борьбы [4].

Относительно мер конституционной ответственности в науке так же отсутствует единообразие мнений.

Например, О.Е. Уфаева в качестве мер конституционной ответственности выделяет: отрешение от должности; отмена незаконного решения органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ; роспуск Государственной Думы; досрочное прекращение полномочий законодательного органа; введение чрезвычайного положения на территории субъекта и другие [24, с. 87].

Если с такой санкциями, как отрешение от должности и досрочное прекращения полномочий законодательного органа можно согласиться, то с остальными из перечисленных, вряд ли.

Такая мера как отрешение от должности в законодательстве применяется в отношении Президента РФ и высшего должностного лица субъекта РФ.

Заметим, что большинство исследователей к мерам конституционной ответственности справедливо относят отрешение Президента от должности. Однако и здесь есть ряд вопросов. Порядок отрешения Президента от должности регламентируется ст. 93 Конституции. Согласно данной статьи, в процедуре отрешения задействованы обе палаты парламента, Верховный Суд и Конституционный Суд.

Соответственно, вопросы выдвижения обвинения регулируются регламентами палат парламента [15]; процедура дачи заключения о соблюдении процедуры отрешения Конституционным Судом регламентируется соответствующим федеральным конституционным законом [26].

Что касается Верховного Суда РФ, то Закон лишь обозначает его полномочие выносить заключение о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления при выдвижении Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления [15].

Однако в регламенте Верховного Суда нет даже упоминания о такой процедуре [19]. Очевидно, что принятию выдвижения обвинения и отрешению Президента от должности должны предшествовать сбор доказательств в том числе, опрос свидетелей, проведение экспертиз и т.д. Остается неясным, как специальная комиссия, образованная Думой, будет проводить данные мероприятия, поскольку законодательно данный вопрос не урегулирован.

Очевидно, что Президент, как и любой гражданин, имеет право на защиту. В том числе, право на дачу показаний, предоставление доказательств,

ознакомление с материалами дела и др. Эти и другие вопросы должны быть урегулированы законодательно.

Пока же весьма широкие полномочий Президента не сбалансированы возможностью привлечения его к ответственности.

Основаниями отрешения от должности главы субъекта являются:

– отрешение его от должности Президентом РФ в связи с выражением ему недоверия со стороны регионального парламента как за ненадлежащее исполнение им своих обязанностей, так и в связи с изданием им актов, противоречащих закону, или иным грубым правонарушением, если это повлекло за собой массовое нарушение прав и свобод граждан;

– отрешения его от должности Президентом в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации, за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. При этом основанием утраты доверия является несоблюдение антикоррупционного законодательства [4].

Как видим, основания отрешения изобилуют весьма аморфными формулировками «ненадлежащее исполнение», «грубое правонарушение», «утрата доверия» и т.п.

Неоднозначно и такое основание отрешения от должности главы субъекта, как выявление в отношении него фактов коррупции.

Безусловно, наличие таких фактов должно вести к немедленному реагированию правоохранительных органов, возбуждению уголовного дела и привлечению к уголовной ответственности. Однако обращает на себя внимание то, что Президент РФ выражает недоверие главе без вступления в законную силу приговора суда. Получается, что фактам коррупции регионального главы не дана надлежащая юридическая оценка, и о них Президент Российской Федерации узнает по сообщениям средств массовой информации, мнениям других политиков, жалобам населения и т.п. Определяющим в применении «коррупционного основания» отрешения от должности главы региона является не доказанные факты коррупции, а мнение Президента России о возможных коррупционных составляющих в деятельности руководителя субъекта РФ.

Получается, что недоверие главы Российского государства становится формой признания коррупции главы региона и не требует правовых оснований, несмотря на то, что коррупция является видом уголовно наказуемого деяния и предполагает неотвратимость наказания. Президент Российской Федерации не должен аргументировать юридически отрешение главы региона от должности, что автоматически, если следовать логике закона, приравнивается к наличию коррупционного факта в деятельности руководителя субъекта Федерации. Поэтому, по нашему мнению, принудительное прекращение полномочий высшего должностного лица субъекта Федерации Президентом РФ в случае выявления в отношении него фактов коррупции следует считать мерой не юридической, а политической ответственности. Юридическая ответственность главы региона наступает тогда, когда он за «факты коррупции» (соответствующим образом квалифицированные) будет нести уголовное наказание [4].

Что касается отмены незаконного решения органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, то вряд ли данную меру государственного принуждения следует относить к мерам конституционной ответственности. Полагаем, что в данном случае орган власти субъекта не несет никаких неблагоприятных последствий, кроме как репутационных.

Относительно роспуска Государственной Думы. Такая мера возможна в случаях, предусмотренных Конституцией (п. 4 ст. 111, п. 3 и п. 4 ст. 117).

Согласно п. 4 ст. 111 Конституции после трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы.

Допустим, Президент представляет Государственной Думе кандидатуру на пост Председателя Правительства в лице одиозной личности. Дума отклоняет эту личность троекратно, следует ее роспуск. Вопрос: если это мера юридической ответственности, имеется ли здесь признак вины? Если имеется,

то в чем? В том, что Дума посмела воспользоваться своим конституционным правом?

Пункт 3 ст. 117 Конституции России связывает возможность роспуска Государственной Думы с повторным в течение трех месяцев выражением ею вотума недоверия Правительству РФ. При этом у Президента РФ есть альтернатива в виде возможности отправить в отставку Правительство РФ.

Возьмем еще одно основание – в случае отказа в доверии Правительству Государственной Думой при постановке вопроса о доверии Председателем Правительства РФ (ч. 4 ст. 117 Конституции РФ).

Если это мера юридической ответственности, то в чем вина Госдумы? К тому же ситуацию, когда «виновного» можно выбрать по своему усмотрению из двух участников конфликта, не вписывается в классическую теорию правонарушения и юридической ответственности.

Полагаем, в основаниях указанных трех возможных случаях роспуска Государственной Думы отсутствуют, как минимум, объективный и субъективный критерии правонарушения.

В теории юридической ответственности различают санкции юридической ответственности и меры защиты [25, с. 265]. Под мерами защиты понимаются охранительные правовые средства (одна из разновидностей государственного принуждения), применяемые в случае совершения правонарушения или наступления иных юридических фактов, преследующие цели предупреждения, пресечения регулирования, восстановления, а также обеспечения безопасности. Санкция-наказание – это структурный элемент правовой нормы, закрепляющий вид и меру негативного аспекта реализации ответственности субъекта, предусматривающий негативные последствия для правонарушителя в виде лишения материального, личного или организационного характера [10].

Дифференцируются данные явления на основании следующих характеристик: меры защиты закрепляются как в диспозиции, так и в санкции правовой нормы, а меры юридической ответственности только в санкциях правовых норм; меры юридической ответственности закреплены в особой

разновидности правовых норм – нормах юридической ответственности. Основанием применения мер ответственности выступает юридический факт правонарушения, а основанием применения мер защиты является как правонарушение, так и иные разновидности юридических фактов. Юридическую ответственность характеризуют такие признаки, как осуждение и наличие дополнительной обязанности, а при реализации мер защиты отсутствует осуждение и не возникает дополнительной обязанности. Меры юридической ответственности осуществляют карательную функцию, у мер защиты она отсутствует; юридическая ответственность реализуется только в процессуальной форме, а меры защиты как в процессуальной, так и вне ее [10].

Возможно, роспуск Государственной Думы следует отнести к «мерам защиты». Но возникает вопрос: что же «защищает» или от кого «защищается» явно доминирующий в системе органов власти Президент?

Очевидно, что в основе изложенных выше оснований роспуска Государственной Думы лежит конфликт, поэтому, представляется обоснованным рассматривать указанные взаимоотношения Государственной Думы, Правительства и Президента с позиций учения о конституционных конфликтах [2; 20; 27].

Т.М. Пряхиной под конституционными конфликтами понимает имеющие политико-правовую природу формы взаимодействия субъектов конституционных отношений, обусловленные необходимостью разрешения разногласий по вопросам признания, реализации, защиты интересов субъектов, представляющих ценность с точки зрения их социальной значимости [20].

П.А. Астахов конституционный конфликт определяет как «политический тип социальных конфликтов, который посредством конституционных процедур может быть трансформирован в юридически значимые, порождающие правовые последствия» [1, с. 95-96].

Вместе с тем необходимо отметить, что, во-первых, конституционные конфликты являются политическими конфликтами, т.е. возникают в той или иной степени по поводу государственной власти. Именно политическая

природа основания конституционно-правового принуждения не позволяет сводить его исключительно к правонарушению. Во-вторых, наличие особого властного конституционно-правового статуса у одного из участников конфликта. В-третьих, конституционным конфликтам не обязательно присущи свойства противоправности и виновности. Например, отрешение от должности Президентом Российской Федерации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации не обязательно связано с противоправным либо виновным поведением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Причиной тому может служить политическая целесообразность, иначе – возникший конституционный конфликт между федеральной и региональной властью [3].

Закон допускает принятие решение главой субъекта РФ о досрочном прекращении полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации [21]. Условия: во-первых, принятие данным органом Конституции (Устава) и закона субъекта Российской Федерации, иного нормативного правового акта, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, Конституции (Уставу) субъекта Российской Федерации; во-вторых, такие противоречия установлены соответствующим судом; в-третьих, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации не устранил их в течение шести месяцев со дня вступления в силу судебного решения.

Считаем, что в данном случае уместно говорить о конституционной ответственности, т.к. в наличие совокупность всех элементов состава данного вида ответственности. Более того, региональному парламенту дается шанс привести все в соответствие с законом либо обратиться в соответствующий суд.

Еще одним основанием принятия главой субъекта решения о досрочном прекращении полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта главой субъекта является непроведение последним в течение трех месяцев подряд заседания. Причем данный факт должен быть подтвержден решением соответствующего суда [21].

Представляется, что в и данном случае основанием роспуска регионального парламента является конфликт политического характера.

Отнесение введения чрезвычайного положения к мерам конституционно-правовой ответственности представляется необоснованным. Как справедливо отмечается в литературе, те меры, которые применяются в условиях чрезвычайного положения, носят временный характер, и законодатель не называет их мерами юридической ответственности, кроме того, неблагоприятные последствия в режиме чрезвычайного положения (причины введения которого могут быть и объективными), несут субъекты не причастные к его введению [10]. А принцип вины, как известно, является обязательным условием наступления юридической ответственности.

Очевидно, что вследствие отсутствия в законодательстве четких критериев конституционно-правовой ответственности, дискуссия относительно ее природы будет вестись еще очень долго.

С одной стороны, ценность науки в том, что здесь возможны и даже необходимы различные точки зрения. Перефразируя одного из политиков, наука – это место дискуссии. Но, на наш взгляд, она не должна вестись в отрыве от общей теории правонарушений и юридической ответственности.

Список литературы:

1. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения (теоретико-правовое исследование): дис. ... д.ю.н. М., 2006.
2. Витрук Н.В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. С. 34-35.

3. Володько И.А. К вопросу о понятии конституционно-правового принуждения // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 7-10.

4. Гарипов Р.Ф., Зазнаев О.И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 50-53.

5. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 314-318.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.06.2016) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

7. Кравец И.А. Формирование Российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. – Новосибирск, 2002.

8. Кравец И.А. Юридические процедуры и политические мотивы реализации мер конституционной ответственности (проблемы и перспективы) // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2012.

9. Липатов Э.Г. Компетенция органов власти субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества / Под ред. В.В. Володина. Саратов, 2009.

10. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. О санкциях конституционной ответственности и мерах защиты // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 15-18.

11. Овсепян Ж.И. Критерии конституционной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. №4.

12. П. 3 Мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 2.

13. П. 3 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ

РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

14. П. 8.2. мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

15. Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 26.02.2016) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801; Постановление СФ ФС РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 10.02.2016) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 6.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации

от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.08.2014 № 2 «Об утверждении Регламента Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

20. Пряхина Т.М. Конституционные конфликты // Государство и право. 2004. № 11. С. 19-25.

21. Ст. 9 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 02.06.2016) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

22. Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран: Сб. ст. / Под ред. С.А. Авакьяна. М., 2001.

23. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 2000.

24. Уфаева О.Е. Конституционная ответственность органов и должностных лиц Российского государства и правовая культура // Правовая культура. 2010. № 2.

25. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. Казань, 1987.

26. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

27. Худойкина Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование): дисс. ... д.ю.н. Нижний Новгород, 2002.

28. Червонюк В.И., Артюхов Ю.С. Современная концепция конституционной ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 8-13.

Сведения об авторе:

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия).

Data about the author:

Stankin Aleksey Nikolayevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Theory of State and Law Department, Togliatti State University (Togliatti, Russia).

E-mail: ans77@list.ru.